

В.С.КУЛИКОВ

陌生的
中华

Экспресс +

НЕИЗВЕСТНЫЙ КИТАЙ

Владимир Семенович Куликов

Неизвестный Китай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157150

Неизвестный Китай: Евразия +; М; 2005

ISBN 5-93494-099-6

Аннотация

Автора этой книги Владимира Куликова страна знала как видного журналиста-востоковеда. Это и неудивительно. Более полувека его жизни связано с Китаем. Но все впечатления, разнообразные события, поступки и дела людей, встречавшихся на его репортерских тропах: в китайских городах, деревнях, строительных площадках, в студенческих общежитиях, в научных центрах, не умещались в тесные рамки его радио- и телепередач, документальных фильмов.

Поэтому рождались книги о Китае. В них он хотел досказать, убедить, поделиться знаниями, которые не вмещались в узкие рамки журналистских репортажей. Их оценили в России. Книги выходили значительными тиражами. И они никогда не залеживались на прилавках.

«Неизвестный Китай» – его последняя книга. Он писал ее, чтобы Китай стал нам сегодня еще понятнее, ближе, роднее, чтобы наши страны-соседи всегда жили в мире, согласии и дружбе.

Эта книга не путевые заметки журналиста после короткой командировки в зарубежную страну. И тем более это не описание увиденного во время туристического турне. Это впечатления многих лет, прожитых в Китае, общение с китайцами и с сотнями представителей разных национальностей, профессий и возрастов. В этой книге для большинства их нас – неизвестный Китай, который познается только когда долго и пристально его изучаешь, когда рядом много китайских друзей, готовых помочь, постигнуть его сокровенные тайны.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
В ТЕСНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ	10
ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ НАЦИИ	15
ПЕКИНСКИЕ ПЕРЕУЛКИ	29
ДУША ПЕКИНА	38
ПЕКИН СТРОИТСЯ	45
НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК	55
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владимир Куликов

Неизвестный Китай

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учитель сказал:

«Людей, знающих добродетель – мало».

Конфуций

В конце XX века о Китае писали относительно немного: сказывались последствия «культурной революции», многолетней смуты, затянувшиеся ожидания «китайской перестройки». Сегодня эта страна в центре внимания мировой прессы, радио и телевидения. Говорят о «китайском чуде», «китайском вызове» и даже «китайской угрозе».

Книга, которую Вы только что открыли, не об этом. Она написана человеком удивительной судьбы, отдавшим себя без остатка делу сближения народов России и Китая – Владимиром Семеновичем Куликовым. Он передал рукопись в издательство «Воскресенье» за несколько дней до ухода из жизни. Издатели исполнили его последнюю волю, книга стала завещанием...

Первое знакомство Володи Куликова с Китайской Народной Республикой состоялось в 1958 году, во время студенческой практики. Он полюбил Китай – людей, историю, древ-

нейшую культуру, обычаи, философию. С годами Китай стал частью его самого, а судьба нашего великого соседа – сокровенной частью его личной судьбы. Отечественная школа китаеведения уникальна и богата многими славными именами, но Владимир Семенович занимает в ней свое, особое место. Как специалист по Китаю он начал свою профессиональную деятельность на Иновещании Всесоюзного радио, тогда широко известном за рубежом как «Московское радио». Часто бывал в Китае в творческих командировках, о которых с энтузиазмом рассказывал на радио, телевидении, в газетах и журналах. Работал над развитием культурных связей, был избран в правление Общества советско-китайской дружбы. С 1964 по 1967 гг. Владимир Семенович на дипломатической работе – атташе Советского посольства в КНР. В труднейшие годы «культурной революции», работая в Пекине зачастую на осадном положении, он смог многое сделать для поддержания двусторонних отношений. С 1967 г. В. С. Куликов вновь на работе в Гостелерадио СССР. Он создал уникальную журналистскую и страноведческую структуру на советском Иновещании, многие годы возглавлял ее. В качестве специального корреспондента часто выезжал в страны Юго-Восточной Азии, подготовил ряд документальных телевизионных фильмов, выступал в популярных передачах «Международная панорама» и «Клуб кинопутешественников». Издал книгу «Китайцы о себе», которая в конце 80-х, буквально, была пособием для наших сограждан, ставших часты-

ми гостями «Поднебесной», а его фотоальбом «Китай» разошелся молниеносно.

В 1988 г. Владимир Куликов вернулся в Пекин – в качестве первого корреспондента советского телевидения и радио. Это было для него вторым открытием Китая, открытием после многих лет напряженности в межгосударственных отношениях и разобщенности наших народов. Вместе с Владимиром Семеновичем и все мы – телезрители СССР и России – заново узнавали эту великую страну. Куликов работал страстно, энергично, он как бы догонял время. За 6 лет работы во главе корпункта Гостелерадио в КНР ему удалось восполнить потери, происшедшие в отношениях России и Китая в информационной сфере. Во многом благодаря В. С. Куликову мы стали ближе, появились доверие и понимание друг друга. Журналистская работа Владимира Семеновича высоко оценена на Родине – он был награжден Орденами «Трудового Красного Знамени», «Дружбы народов», удостоен звания «Заслуженный работник культуры России». В «стране пребывания» тоже по достоинству оценили его работу, полюбили русского журналиста. Когда в 1994 году срок командировки закончился китайские коллеги не захотели расставаться с Куликовым и предложили ему поработать советником Пекинского телевидения по связям с Россией. Владимир Семенович в своем новом качестве много работал, организовал на Пекинском телевидении еженедельную передачу «Русские вечера», ставшую своеобразным

клубом для китайцев, интересующихся нашей страной. Сегодня в Китае молодежь вновь изучает русский язык, десятки тысяч деловых людей работают с Россией, но в те годы передачи Куликова были настоящим прорывом. Российские и китайские телезрители часто подчеркивали, что в творчестве В. С. Кулакова привлекают не только профессионализм, глубокие и разносторонние знания, но и особая задушевность, доброжелательность, теплота. Несколько лет проработал Владимир Семенович на китайском телевидении. За эту работу пекинское правительство наградило его золотым знаком «Великая Китайская стена». Высокая и символичная награда. А в Москве Его избрали академиком Евразийской академии телевидения и радиовещания.

И в России, и в Китае у Владимира Куликова много друзей и учеников. Он был удивительно щедр на дружбу, помощь, участие, доброе слово и дело. И так же щедро делился с нами глубоким знанием Китая, своей любовью к этой стране и ее людям. Он очень хотел, чтобы мы глубже узнали и полюбили Китай. Работал над новой книгой, героически преодолевая тяжелейшую болезнь. Владимир Семенович ушел и оставил нам эту книгу, назвав ее «Незнакомый Китай». Ее будут читать и в России, и в Китае.

Спасибо тебе, дорогой Володя, друг наш Гао-Линьвэй...

Валентин ЛАЗУТКИН,

член Правления Международной академии телевидения и

радиовещания

В ТЕСНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ

Приезжающие в Китай отмечают, что хотя на улицах китайских городов необычно многолюдно (миллиард населения на каждом шагу напоминает о себе), но очень спокойно.

Побывавший в середине 90-х годов в Китае известный советский театральный деятель Михаил Ульянов говорил мне, что он поражен тем, что за все время своего пребывания в Китае он не видел быстро вспыхивающих уличных ссор в транспорте, в магазинах и взаимной неприязни на улицах.

Терпимость и уравновешенность часто помогают китайцам в повседневной жизни. Что было бы у нас, если бы на крупной городской магистрали где-нибудь в районе Садового кольца автолюбитель из провинции застрял бы на своем стареньком «Запорожце» на перекрестке?! Я не раз становился свидетелем аналогичных ситуаций на пекинских улицах.

Представьте себе утренний час пик на одной из пекинских кольцевых дорог, где скрещиваются пути спешащих на работу на автомобилях чиновников, общественного транспорта, такси, велосипедистов, которые, как правило, доезжая до ближайшей станции метро или автовокзала, оставляют здесь свои велосипеды, чтобы продолжить дорогу на городском транспорте. Навстречу им движется поток велоповозок и небольших грузовичков, везущих на утренние рын-

ки Пекина продукты из ближайших деревень.

Однажды я видел, как в самой гуще застрял старик-крестьянин со своей повозкой, доверху груженной капустой. Движение на какое-то время парализовалось. Но на старика не зашумели, не стали свирепо жать на клаксоны... Водители, хотя и с соответствующим выражением лиц и произносимыми «автомобильными комментариями» ждали, когда он, наконец, вырулит, а кто-то слез с велосипеда и помог растерянному дед поскорее освободить дорогу.

Наверное, разряжать подобные ситуации – дело дорожной полиции. Но она работает в Пекине плохо: чувствуется, что ее опыт явно отстает от стремительно растущих транспортных проблем многомиллионного Пекина, на улицах которого каждый месяц появляются десятки тысяч автомобилей, да и велосипедов в городе шесть миллионов – более чем по одному на каждую пекинскую семью.

Действуют здесь другие законы. Я бы назвал их законами совместного выживания в многонаселенной стране. Именно они помогают, например, мирно сосуществовать на одной улице бок о бок трем парикмахерским или нескольким недорогим ресторанам. Как они делят клиентов, разбираются с конкурентами?

Даже на крестьянском рынке, где зачастую продавцов больше, чем покупателей, и трудно ждать от них особого такта и деликатности, никогда не будут насмехаться над деревенской женщиной, которая по малограмотности путается в

счете и дает сдачу себе в ущерб. Всем миром подсчитают, помогут.

Во многих китайских городах, особенно на юге, вся жизнь семьи из-за тесноты проходит на улице. Около домов стирают, купают детей, готовят еду, спят. Печурки с брикетами угля, тазы с грязной водой, кастрюли, домочадцы, соседи, прохожие – все рядом... Могут и толкнуть, и задеть нечаянно. Поводы для ссор – на каждом шагу. Но за многие века выработалась не то, чтобы привычка: к плохому трудно привыкать, а терпимость. Так и живут: уважают стариков, любят детей и в полном соответствии с конфуцианскими традициями относятся к ближнему так, как хотели бы, чтобы он относился к ним.

Все это, конечно же, не означает, что в сегодняшнем Китае создано некое бесконфликтное общество «великого благоденствия и гармонии», о котором мечтало не одно поколение китайских, да и не только китайских философов и правителей.

Есть здесь и преступность, и правонарушения, и проституция, и наркомания, да и чисто «китайские» формы преступности, такие, как торговля детьми и женщинами, азартные игры, изготовление разного рода фальшивок – от продуктов питания и лекарств до пиратских видео– и аудиокассет. Об этом регулярно сообщают китайские газеты и телевидение. Власти борются с криминалом самыми решительными мерами. Смертная казнь за изготовление фальшивого

лекарства, приведшего к смерти пациента – не сенсация, а рядовое сообщение уголовной хроники.

Однако не криминальный мир определяет атмосферу в стране и характер китайского современного общества. Кстати сказать, мир этот очень плотно закрыт от взоров иностранных наблюдателей и приезжих, поскольку они, практически, редко сталкиваются с проявлениями преступности. Можно по пальцам перечесть случаи, когда иностранцы становились жертвами тех или иных преступных действий со стороны китайцев.

Очевидно, дело в том, что сам уклад жизни диктует людям определенные формы поведения в семье, обществе. И одна из них – терпимость и взаимоуважение.

Проблема совместного проживания возникла в Китае не сегодня. Уже в древние времена китайские крестьяне, страдая от малоземелья, строили свои жилища почти вплотную друг к другу. Так шесть веков назад возникла в провинции Хунань деревня Чжангуйин. Основали ее выходцы из соседней провинции во главе со своим старостой по фамилии Чжан Гуйин, бежавшие от голода и лишений. Дома здесь стоят так тесно друг к другу, что соприкасаются крышами. В дождь можно навещать соседей, не захватывая с собой зонта. И живут под этой общей крышей две тысячи человек. Сменялись династии, вспыхивали войны, совершались революции, шумели политические кампании современной эпохи, а деревня со своим многовековым укладом стоит, как и столе-

тия назад.

Время лишь оставляло памятные знаки на могилах предков да витиеватые иероглифы на камнях и стенах старых домов, где конфуцианские заповеди сегодня мирно соседствуют с лозунгами совсем уж недавнего прошлого – «большого скачка» и «культурной революции».

Молодежь покидает деревню, уезжая в города на учебу и работу. Но многие остаются здесь и, как утверждает нынешний представитель деревенской администрации Чжан, население деревни не уменьшается.

Еще более удивительные дома-деревни существуют на юге Китая. В самой южной провинции страны – Фуцзянь – известна деревня, которая существует со времени династии Цин (XVIII—XX в. в.).

Представьте себе замкнутый амфитеатр или, скажем, цирковую арену, где вместо мест для зрителей расположены многоярусные дома-квартиры. Всего их более сотни. Вход в такую «крепость» один. В центре, свободном от застроек, размещаются колодец и коммунальные общественные службы. На ночь вход наглухо запирается, и деревня превращается в крепость.

Конечно, подобные уникальные общежития – лишь действующие исторические памятники. Но они, как мне кажется, отражают традиции совместного проживания людей, сохранявшиеся долгие времена.

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ НАЦИИ

Строгие законы жизни в сегодняшнем Китае сформулировал еще две с половиной тысячи лет назад великий китайский философ Конфуций. Они гласят: уважай главу дома, старшие заботятся о младших, да будут целомудренны женщины и мудры старики...

Китайский император Чжу Юаньчжан в 1375 году специальным указом повелел, чтобы в каждом селе и городском районе еженедельно ходили по домам специальные глашатаи и выкрикивали конфуцианский свод основ семейной жизни: «Будь послушен и покорен отцу и матери, – говорили они, – почитай и уважай старших и вышестоящих, живи в мире и согласии с соседями, следи за воспитанием и обучением детей и внуков, занимаясь своим делом, не совершай дурных поступков».

Это теория. На практике все сложнее, но, безусловно одно: китайская семья до сих пор сильна своими традициями, своим уважением к старшему поколению, к истории своих предков, которая уходит корнями в глубокую древность.

Правда, современная жизнь общества замахнулась и на эти устои. Браки с иностранцами становятся уже не исключением, а нормой жизни. Центральное Телевидение оперативно откликнулось на эту проблему, создав многосерийный телевизионный фильм с броским названием «Модерновая се-

мья». Повествует он о судьбе трех дочерей из старой пекинской семьи, которые разъехались по свету, выйдя там замуж, кто за итальянца, кто за корейца, а самая младшая дочь влюбилась в француза. Родители едут во Францию, чтобы убедить хотя бы младшую дочь от неправильного, как им кажется, шага. Но тут сама мать – хранительница семейного очага – попадает под обаяние случайно встреченного здесь европейца. В общем, шекспировские страсти с китайской спецификой. А когда я спросил известную китайскую актрису Тун Чженвэй, сыгравшую роль заботливой матушки в этом сериале, как она относится ко всем этим проблемам, она откровенно сказала, что не очень симпатизирует своей героине.

Что и говорить, конфуцианские основы китайской семьи подвергаются сегодня большим испытаниям, но связи с традицией сегодня все еще крепки в китайском обществе. Связь Учителя, а именно так, с большой буквы называют Конфуция в Китае, с потомками никогда не прерывалась. Наследников его рода сегодня великое множество. Тех, кто ведет свою родословную от Конфуция, можно найти не только в Китае, но и в США, на Тайване, в Японии, в странах Юго-Восточной Азии. Есть его прямые потомки Англии и других странах Европы.

В большую семью наследников Конфуция входили императоры и известные политические деятели, скромные чиновники и совсем уж рядовые люди. Я, к примеру, недавно с удивлением узнал, что мой коллега по работе на Пекинском

телевидении скромный молодой человек по фамилии Кун – прямой потомок великого Конфуция в 76 колене. Правда, во время «культурной революции» его родителям это пришлось скрыть (потомки великого гуманиста в то время были не в чести у хунвейбинов) и имя изменить. Но когда опасность миновала, фамильный иероглиф семья восстановила: семейная традиция, история рода не должны прерываться.

Ну, а из именитых современников в большую семью наследников Конфуция входили самый богатый человек до-революционного Китая – миллионер Кун Сянси, а также его оппонент, великий китайский революционер Сунь Ятсен. Глава гоминьдановского правительства Чан Кайши, женатый на дочери Кун Сянси – тоже относил себя к членам рода Конфуция.

Каждый год, в начале августа в Китае отмечают день рождения Конфуция. Главные торжества проходят на родине Конфуция в небольшом городке Цюйфу, что в провинции Шаньдун, а в Пекине это происходит в пекинском храме Конфуция. Храм этот был построен в 1302 году во время правления в Китае династии Юань, императором Чэн Чжунном. Сама же идея отмечать День рождения Конфуция принадлежит императору Ханьской династии Лю Бану. По преданию, проезжая в 195 году до н. э. через провинцию Шаньдун, он провел здесь обряд жертвоприношения Учителю, дав начало традиции, по которой императоры лично принимали участие в церемонии. Императоры более поздних ди-

настий вносили свой вклад в этот ритуал, и к нашему времени он превратился в яркий праздник, включающий приношение даров Конфуцию. Но если раньше это были ритуальные животные: свиньи, быки, овцы, то сегодня их заменяют муляжи, а вот вино осталось настоящее. В дни торжеств любимый напиток Конфуция – вино «Из дома Куна», рецепт которого сохранился до наших дней – раскупается особенно охотно. Танцы, обрядовые песнопения за тысячелетия тоже не изменились. Их мелодии и пластика очень специфичны, выразительны и немного таинственны.

Просматривая труды русских китаеведов, я наткнулся на любопытное описание этого праздника, который проходил в августе 1897 года.

«Одетые в халаты и головные уборы времен Конфуция, служители культа медленно поднялись по ступеням мраморной лестницы, ведущей в «Зал великого совершенства». Рядом расположились музыканты со старинными инструментами: здесь можно было увидеть каменный гонг, лютию с шелковыми струнами, свирель из бамбуковых трубочек, набор колоколов, особый кларнет, барабаны. Все это использовалось для проведения церемонии и было призвано создать атмосферу торжественности. У нас было такое впечатление, – продолжает автор, – что мы стоим на таинственном ковре, уносящем присутствующих в глубь веков, ко временам Конфуция, и как будто бы дух самого Учителя – большого любителя музыки, спустился под своды зала и стал участником

этой церемонии...»

Мне доводилось быть свидетелем этого праздника и в Пекине, и в Цюйфу, и я испытал те же чувства, что и мой коллега из прошлого века, и убедился, что за 100 лет ничего не изменилось. Те же старинные инструменты, та же атмосфера торжественности, не меняющийся даже в мелочах ритуал. Тридцать шесть танцоров и сорок пять музыкантов принимают участие в этой мистерии. Сначала звучит торжественная ритуальная мелодия, затем возжигаются курительные палочки. Главный устроитель обряда и его ассистенты с троекратным поклоном помещают жертвоприношения и вино на алтарь. Звучит мелодия, воспевающая заслуги Учителя. Музыка, яркие одежды участников праздника, необычный вид старинных музыкальных инструментов, запах благовоний создают особую атмосферу торжественности. Все было именно так, как описывал в своих заметках русский китаевед. Единственное, что изменилось – это публика, присутствующая на церемонии.

Наряды китайянок, пришедших на праздник; джинсы, кроссовки, солнцезащитные очки, реклама «кока-колы» на майках, фото– и кинотехника – у многочисленных иностранных туристов. Как быстро меняется наш мир, и каким незыблемым остается мир Конфуция!

Да, дух Учителя по-прежнему витает над страной. И невозможно понять многое из того, что происходит сегодня в Китае, не познакомившись хотя бы вкратце с сутью его уче-

ния.

Конфуций – основатель самого влиятельного в китайской истории этико-политического учения, родился в небольшом городке Цюйфу, в провинции Шаньдун, в северо-восточной части Китая в 551 году до н. э. в семье мелкого уездного чиновника. В 25 километрах Юго-восточнее города Цюйфу мне показали «пещеру Учителя», расположенную у подножья горы Нишань, место, где по преданию появился, на свет Учитель.

Еще в детстве Конфуций проявлял удивительный для ребенка интерес к традиционным обрядам и даже подражал взрослым, устраивал со своими сверстниками ритуальные церемонии. В пятнадцать лет началась его трудовая жизнь: он служил по хозяйственной части, командуя пастухами и сторожами амбаров, был музыкантом, играл на флейте и барабане – главных инструментах китайского оркестра.

Говорят, он был «красив лицом и велик ростом». Во всяком случае, именно таким его и сегодня изображают китайские художники, продающие портреты Учителя у Храма Конфуция в Цюйфу.

Больших высот в карьере чиновника он не достиг, хотя деловые качества юноши привлекли к нему внимание двора. Он не мог реализовать себя в предлагаемых ему должностях в государственных учреждениях: Конфуций по духу своему был реформатор, а о каких серьезных реформах могла идти речь в обстановке склок, интриг и коррупции, которая разь-

едала жизнь императорской челяди.

К тому же, годы его жизни пришлись на эпоху «воюющих царств» – периода в китайской истории, который характеризовался бурными социальными потрясениями и ломкой ритуальных порядков.

Он оставляет государственную службу и в сопровождении своих учеников начинает странствовать по древнему Китаю в поисках мудрого государя. Странствия длились 14 лет. Приблизительно в это время он встречается с Лао-Цзы – еще одним великим мыслителем Древнего Китая. Хотя эти два корифея китайской философской мысли по-разному относились к окружающему миру – эта встреча стала важным событием в истории Китая.

Взгляды мыслителя не находят понимания и поддержки при императорских дворах, зато растет количество его учеников и последователей. Считается, что к тому времени их было уже три тысячи. Семьдесят два из них стали известными философами древнего Китая.

Конфуция называют «первым частным Учителем древнего Китая». Его педагогические идеи до сих пор ценятся китайской педагогикой. В его школе знать и простые люди обучались на равных. При обучении не должно быть различий между людьми, – говорил Конфуций. И еще он считал, что процесс обучения должен происходить с учетом индивидуальных особенностей ученика.

Его изречение: «тот, кто учится, но не размышляет – впа-

дает в заблуждение, тот, кто размышляет, не желая учиться – попадает в беду» на вооружении у сегодняшних китайских учителей. Конфуций рассматривал обучение, как один из ключевых факторов для управления государством, он считал, что учеба – это не просто приобретение суммы знаний, но и воспитание в человеке высокой нравственности. Наверное, с тех древних времен сохраняется в китайском обществе любовь к учителю, педагогу.

В сегодняшнем языке обращение к человеку, который пользуется авторитетом, звучит как «лаоши» – учитель, хотя к педагогике этот человек может не иметь никакого отношения.

Конфуций делился с учениками своими мыслями о предназначении человека, о роли государства в китайском обществе, о законах жизни семьи. Сегодня они высечены на сотнях каменных стелл, разбросанных по всему Китаю. Такие рукописи не горят и в прямом, и в переносном смысле слова, они стали частичкой духа каждого китайца. Мысли Конфуция дошли до современников в составленных его учениками и последователями книгах «Луньюй» («Беседы и суждения»), в летописи «Чуньцю» («Весна и осень»), исторических записках «Шицзин». Свой главный труд «Шесть канонов», из которых не сохранился канон о музыке, он пишет, когда ему исполнилось 68 лет. Эти каноны легли в основу литературной традиции китайской культуры. Традиции, обычаи, манеры общения и поведения китайцев, все то, что

иногда называют «китайскими церемониями», веками шлифовало это учение. И первым учебником китайского малыша были изречения Учителя, порой не совсем понятные, но через призму которых он начинал смотреть на окружающий мир.

Недавно в китайских школах вновь ввели уроки, посвященные Конфуцию, и через раскрытые окна школьных классов можно вновь слышать нестройный хор молодых голосов, произносящих заповеди великого предка.

Провозглашенные Конфуцием принципы человеколюбия и высокой нравственности, наука о «гуманном» управлении государством проникли во все поры китайского общества, стали духовной опорой нации. На заре цивилизации китайцы дали миру не только шелк, бумагу, фарфор и порох, но и нечто более важное – они открыли законы жизни семьи и общества. И открытие это принадлежало Конфуцию.

Идеал государственного устройства он видел в установлении стабильного социально-политического порядка, при котором каждый человек имеет возможность жить в гармонии с другими членами общества. Достижение этого идеала, по мнению Конфуция, возможно при соблюдении нравственных правил «жэнь» (человеколюбие). Конфуций включал в это понятие и такие принципы, как верность, великодушие. Эталоном поведения он считал сбалансированность мыслей и поступков, принцип «золотой середины». Он мечтал о полной гармонии в отношениях между людьми и человеком и

обществом. Это чудо призвано было сотворить именно человеколюбие. Он так представлял идеального человека своего времени: «Живущие вблизи – радуются ему, живущие вдали – стремятся к нему».

Гуманизм его учения и сформулированные им заповеди порой полностью совпадают с христианскими постулатами. «Не делай человеку того, что не желаешь себе, – и тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье». Это сказал Конфуций.

Мысли Конфуция веками цементировали китайское общество, помогали ему сохранять свою самобытность, выстоять в войнах, отразить набеги чужеземцев.

И сегодня, проходя по улицам Пекина, вглядываясь в лица китайцев, наблюдая их жизнь, общение между собой, отношение к старикам, я улавливаю отголоски этих старых заповедей Учителя.

Его идеи то становились государственной идеологией, а их адепты занимали важные государственные посты, то подвергались гонению, а ученых конфуцианцев, как это было во время жестокого правления императора Цин Шихуана, живьем закапывали в землю при свете костров из книг их Учителя.

Да, и в наше время страсти вокруг Конфуция и его учения не утихают.

Три десятилетия назад, работая в Китае, я стал свидетелем политической кампании с несколько странным названи-

ем «Критика Конфуция и Линь Бяо». Современный политик – маршал Линь Бяо, недавний соратник Мао Цзэдуна, ставший неудобным в силу политических интриг в высшем китайском руководстве, отождествлялся с философом древности. Впрочем, ничего странного в этом не было. Авторы кампании «Критика Конфуция и Линь Бяо» одним ударом убивали двух зайцев.

Шла «культурная революция», ходу которой явно мешали «феодалские глупости» вроде идей гуманизма, человеколюбия, уважения к старшему поколению, стремления к знаниям, которым так был предан древний философ. Ну а то, что по слухам, таких же взглядов придерживался и опальный маршал Линь Бяо, лишь усугубляло вину последнего. Налицо был явный контрреволюционный сговор, что в глазах воинствующих невежд – «хунвейбинов» явно содержало состав преступления. И несли по улицам плакаты с карикатурами на философа и маршала, и как в недобрые старые времена, летели в огонь труды Конфуция и портреты Линь Бяо.

Сегодня имя Конфуция окружено ореолом почета и уважения. Воздвигнутые в его честь в разные годы храмы, в том числе и оскверненные «хунвейбинами», реставрируются. В 1999 году к очередному дню рождения Конфуция на его родине был открыт «Центр по изучению Конфуция» – величественное сооружение, где отныне ученые Китая и других стран смогут собираться для проведения научных конферен-

ций по изучению наследия великого китайского философа.

Автор этого сооружения – известный пекинский архитектор У Ляньюй рассказывал мне, что он долго работал над проектом комплекса, изучал архитектуру прошлых эпох. У него была сложная задача: нужно было не нарушить архитектурные ансамбли, сложившиеся в городе, с другой стороны, «Центр Конфуция» – это должно быть современное здание, приспособленное для работы большого количества людей. И нужно сказать, что старейший китайский архитектор У Ляньюй блестяще справился с поставленной задачей.

Но память об учителе не только в храмах. Государственные деятели страны цитируют его изречения в политических речах и документах. Уже другой мудрый старец – наш современник, патриарх китайских реформ Дэн Сяопин, создавая модель «социализма с китайской спецификой», явно советовался с Конфуцием. В очертаниях будущего Китая отчетливо просматриваются конфуцианские идеи об «обществе всеобщего благоденствия». Ну, а в Пекин, а теперь и в Цюйфу регулярно съезжаются на конгрессы ученые многих стран, посвятившие свою жизнь изучению трудов и мыслей Конфуция.

Перелистаем и мы несколько страниц из «Лунюя» – одной из самых древних и почитаемых конфуцианских книг. Каждый абзац этого труда начинается с фразы «Учитель говорил...»

Итак, Учитель утверждал:

– Учиться и не думать – бесполезно, но думать и не учиться – опасно;

– Увидишь мудреца – подумай, как с ним сравняться; увидишь глупца – загляни в самого себя;

– Казнить людей, не наставив их на путь истинный – это жестокость; требовать немедленного исполнения, не предупредив заранее – это угнетение; медлить с указаниями и требовать срочного исполнения – это несправедливость;

– Если человек не обладает человеколюбием – что толку в церемониях? что толку в музыке?

– Когда в стране справедливость, стыдно быть бедным и ничтожным.

Когда справедливости нет, стыдно быть богатым и знатным. Из беседы с учеником.

– Что нужно для управления государством?

– Достаточно пищи, достаточно оружия и верность народа.

– Чем из трех можно пожертвовать прежде всего?

– Оружием.

– А из оставшихся двух?

– Пищей. Ибо смерть всегда была неизбежна, а без доверия народа государство не устоит.

– Не научившись еще служить людям, можно ли служить духам? Не зная, как следует жить, можно ли познать смерть?

Из беседы с учениками.

– Что можно сказать о человеке, если вся деревня его лю-

бит?

– Никчемный человек.

– А если вся деревня его ненавидит?

– Никчемный человек.

– Было бы куда лучше, если бы хорошие люди из этой деревни его любили, а дурные – ненавидели...

Философы, политики, историки, конечно, могут спорить, какое суждение, действительно, принадлежит Конфуцию, а какое – приписано ему легендой. Не смолкают споры и вокруг духовных ценностей конфуцианства в современном мире. Но безусловно одно: в сознании людей разных стран и народов Конфуций навсегда останется великим человеком древности.

ПЕКИНСКИЕ ПЕРЕУЛКИ

До последнего времени к Китаю, даже в большей степени, чем к Англии, можно было отнести поговорку: «Мой дом – моя крепость».

Крепость эта носит названием «сыхэюар». «Сыхэюар» – типичная для северного Китая форма городской архитектуры. Именно из таких «сыхэюаров» на девяносто процентов состоял когда-то старый Пекин. Это окруженный с четырех сторон глухими стенами двор, где располагаются четыре жилых постройки, ориентированные по четырем частям света и обращенные своими фасадами в этот внутренний дворик. Это, действительно, маленькая семейная крепость, надежно укрытая от посторонних взоров не только высокими стенами, но и каменным экраном перед входом и крепкими дверями-воротами.

Главный флигель такого сыхэюара, обращенный входом на север – покои хозяина дома. Западный – предназначался для молодого поколения, а в восточном – жили слуги и сторожа. Внутренние деревянные перегородки – «бишачуан» – как ширмы делили помещение на несколько комнат. Эти ширмы богато украшены резьбой, также, как мебель и оконные переплеты, затянутые белым или зеленым шелком с национальным орнаментом.

«Сыхэюары», тесно примыкая своими стенами друг к дру-

гу, составляли переулки – знаменитые пекинские «хутуны» с экзотическими названиями, неожиданной конфигурацией, и иногда настолько узкие, что в них не могли разъехаться два велосипедиста.

Протянувшись с востока на запад, эти переулки пересекались с улицами города, идущими с юга на восток. Старые карты Пекина напоминают шахматную доску. Именно в пекинских переулках веками складывался определенный тип жизни китайской семьи. Именно с семьи, со двора начиналась гигантская пирамида государства.

Говорят, что в Пекине переулков столько, «сколько переьев у пекинской утки». Ну, а если точнее, то в период династии Юань (XIII—XIV вв.), когда складывалась его структура, здесь было 400 переулков. Но город быстро расширился. И к моменту постройки Запретного города – резиденции императорских династий Мин (XIV—XVIII вв.) и Цин (XVIII—XX вв.) – их уже было уже 2077. В изданном в 1944 году путеводителе по Пекину говорилось, что их стало 3200.

А сейчас в Пекине осталось 990 старых переулков. Их число стремительно уменьшается в связи с развернувшимся в китайской столице строительством, оставляя современникам только диковинные названия.

Пекинские переулки – как огромная книга, рассказывающая об истории уходящих эпох. Первоначально ширина переулка была определена в девять шагов. На западе и востоке от центра города, где расположился императорский дво-

рец, строили жилье аристократы, чиновники, вельможи. На севере и юге – люди попроще: торговцы, ремесленники, а ещё дальше городской люд: рикши, переносчики тяжестей и представители со – всем уж неблагородных профессий, куда в то время относили, например, актеров.

Ни один дом не мог быть выше императорских покоев. Так возник одноэтажный Пекин, на фоне которого невысокие императорские дворцы казались уходящими в небо.

Центральные районы города были отделены от остальных кварталов великолепными городскими стенами с десятками красивейших городских ворот с впечатляющими названиями: стена «небесного спокойствия», стена «высшей справедливости» и т. п. По красочной отделке они могли поспорить с императорскими дворцами. Это разрешалось. Ведь они открывали дорогу к чертогам «Сыновей неба».

Богатые дома в городе украшали орнаментами, покрывали яркой черепицей, коньки крыш оформляли керамическими изображениями различных животных: драконов, фениксов, морских коньков.

Бедные дома – серенькие, зачастую глинобитные были непритязательны на вид. Но все равно хозяева старались украсить входную дверь или стены своего дома каким-нибудь замысловатым иероглифом. И порой, чем беднее было жилище, тем красочнее его именовали. Так возникали дома, на стенах которых было выведено: «Небесная обитель», «Дворец феникса» и подобные поэтические названия, при-

званные, очевидно, скрасить скромность этих «дворцов», скорее напоминающих хижину.

Ну, а у ворот домов, действительно, зажиточных пекинцев на столбах, к которым привязывали коней, выбивали на камне или металле разного рода заповеди и мудрые мысли. Таких столбов сохранилось в Пекине более 500. Они могут рассказать о своих хозяевах, живших здесь столетия назад, очень многое: об укладе их жизни, об образе мыслей. Один, к примеру, считал, если хочешь оставить детям наследство получше – оставь книги. Другой – полагал, что нечего растрачивать деньги – копи их и будешь силён.

Возраст того или иного строения определить не так трудно. Достаточно лишь взглянуть на дерево, посаженное у входа. Начиная строить дом, хозяин по традиции высаживал перед ним дерево, и оно делило с домом его судьбу. Так родилась известная поговорка: «Хочешь узнать возраст дома, взгляни на дерево, посаженное у входа».

Тут же зачастую размещалась и пара львов – хранителей дома. Почему грозный хищник так полюбился китайцам, до сих пор остается для меня загадкой. Ведь львы здесь никогда не водились.

Китайские ученые полагают, что пришли они в Китай из Персии. В древнем источнике «История поздней Хань (III до н. э. – III в. н. э.)» повествуется о том, как в подарок китайскому императору именно оттуда привезли пару львов, которые некоторое время жили в императорском дворце, вы-

зывая удивление и уважение тех, кто мог их лицезреть.

Китайских львов не перепутаешь ни с какими другими. Основные черты, которые им придал знаменитый резчик Сунь Цзун более 1700 лет тому назад, сохраняются современными мастерами. До сих пор на улицах и в переулках Пекина сохранились каменные львы, возраст которых – столетия. Одна такая пара охраняет главную буддийскую достопримечательность Пекина – Белую Пагоду. Это самые старые пекинские львы. По преданию, их еще в 13 веке создал мастер из провинции Хэбэй по имени Ян Цюн.

С этим именем связана древняя история. Ян Цюн решил в день рождения императора сделать ему подарок и вырезал из мрамора, камня, который не считался престижным в Китае, двух львов, лично доставив их во дворец.

Изваяния из простого земного камня сыну Неба!?

Придворные замерли в злорадном ожидании, готовые услышать приказ о казни дерзкого мастера. Но императору так понравилась львы, что он не только щедро наградил его, но и повелел Ян Цюну украсить подобными львами многие императорские сооружения.

Со львами связано немало и других удивительных историй. Каменные львы размещены, например, на мосту Лугоуцяо под Пекином. Этот мост был воротами в Пекин, и львы призваны были охранять город. Это не удивительно. Гораздо удивительнее тот факт, что львов здесь собралось несметное количество – 485. Правда, город они убережечь так и не смог-

ли. По иронии судьбы именно отсюда, с моста Лугоуцяо началась в 1937 году японская агрессия против Китая.

Но все-таки чемпионом по количеству львов – стал бывший императорский дворцовый комплекс Ихэюань. Здесь их 500.

Культура пекинских переулков – особая область исследований и серьезных ученых, и непрофессионалов. Один из них – пекинский рабочий Чжан Чжэнхуа. Он по профессии текстильщик, и труд его не назовешь легким. Но каждый день после работы он садится на велосипед и объезжает один за другим пекинские хутуны. Записывает, фотографирует, беседует со старожилами. Если надо, отмывает от вековой грязи старые иероглифы на камнях и стенах. И таких энтузиастов, как Чжан, немало. Некоторые сделали изучение пекинских переулков своей профессией. Среди них – профессор-лингвист Чжан Цинган. Он говорит, что увлекся изучением хутунов из-за экзотики их названий, по которым можно изучать историю города.

Так, например, небольшой хутун называется «Большой крикун». Откуда такое странное название? Может быть, человек, въезжая сюда на повозке, криком оповещал встречаемых, мол, осторожно, не разъедемся.

Еще один переулок называется «сяобяньданы», что в переводе означает «маленькое коромысло», на котором мелкие торговцы разносили по домам лапшу. Но абсолютный рекорд принадлежит переулочку, затерявшемуся в районе старого

вокзала за площадью Тяньньмынь. Его ширина всего 40 сантиметров. Я смог протиснуться в него только боком.

Если продолжить разговор о рекордах, то самый короткий переулок – 10 метров, а самому длинному – может позавидовать иная улица – почти три километра. Еще один переулок назван «Рынок угля», хотя ни рынка, ни угля здесь уже давно нет, а другой, находящийся недалеко – «Амбар для зерна», где сегодня расположены парикмахерские. Есть в этом районе переулок «Ювелирный», а рядом – «Меняльный». В двух последних – дома расположены так близко, что едва могут разойтись двое встречных.

Есть в Пекине «Коровья улица», возникшая на месте «Коровьего переулка», где торговали бараниной и говядиной, и где по традиции, селятся китайские мусульмане, есть «чайные», «цветочные» и прочие переулки.

Имена хутунов повествуют о том, какие росли здесь деревья, какие важные персоны коротали здесь свои дни, что подавали в местных харчевнях, куда ходили за водой.

Хутуны сохранили даже память о древних спорах. Так, жители одного из них издавна называли свой переулок «Конура собачья». Но это название резало слух проезжавшим тут благородным господам. Власти несколько раз пытались переименовать переулок, но бесполезно. Жители привыкли к старому названию и не желали его менять. Тогда чиновники прибегли к хитрости и пригласили ученого мужа. Ученость, как известно, в Китае всегда уважалась. Он предло-

жил жителям, оставив то же звучание поменять лишь смысловые иероглифы (в китайском языке это возможно) Так «Собачья конура» превратилась в «Возвышенную обитель». Это «высокое» имя переулков донес до наших дней.

В Пекине, в отличие от некоторых других китайских городов, не принято присваивать улицам имена современных знаменитостей. Ни улицы Мао Цзэдуна, ни площади Дэн Сяопина вы здесь не найдете. Но вот некоторые переулки сохранили имена известных исторических деятелей. Как-то дела привели меня в переулок Вэньсянь. Оказалось, что носит он имя премьер–министра.

В древности перед входом в наиболее оживленные переулки воздвигали красочные арки, которые имели свои названия. Сейчас уже нет на этом месте ни арок, ни переулков. Так, например, две известные сегодня оживленные торговые улицы Пекина – Дундань и Сидань названы по имени утраченных арок-ворот. Совсем как Покровские, Красные и прочие ворота в Москве.

Еще один человек, влюбленный в пекинские хутуны – 45-летний художник Ху Юн. Он много лет фотографировал пекинские переулки, и в результате родился фотоальбом «Сто и одна фотография пекинских переулков». Книга была раскуплена за несколько дней.

Позже Ху Юн организовал туристическое агентство «Пекинские переулки». Велорикши доставляли туристов в пекинские переулки, где гости знакомились с бытом пекинцев,

вместе готовили пищу, вместе проводили досуг. За несколько лет более ста тысяч туристов побывали здесь, окунувшись в неповторимую атмосферу старого Пекина.

ДУША ПЕКИНА

Я впервые приехал в Пекин в начале 50-х годов и сразу полюбил этот город.

Больше всего мне понравился утренний Пекин. В лучах восходящего солнца, как на картинах древних мастеров традиционной китайской живописи, возникают очертания старинных дворцов в центре города, перед ними величественные башни, оставшиеся от городской стены за площадью Тяньаньмынь. В водах озера, которое называют здесь «Северное море», отражаются сооружения старинного императорского парка Бэйхай.

У старинных стен «Запретного города» – бывшей резиденции китайских императоров, а ныне Музея китайской истории, архитектуры и искусства, как и десятилетия назад, начинают свой трудовой день многие пекинцы.

Здесь, как и в других парках Пекина, можно увидеть пожилых людей, которые занимаются «Тайцзицюань» – гимнастикой для души и тела. «Тайцзицюань» – вязь неторопливых, на первый взгляд немного таинственных движений, непредсказуемых, как движение кисти китайского каллиграфа, выводящего тушью на рисовой бумаге замысловатый иероглиф. Но непредсказуемость эта существует лишь для непосвященных. Старинная гимнастика имеет строгие правила. В их основе – сочетание двух начал «ян» и «инь», муж-

ского и женского, силы и слабости, напряжения и отдыха.

Еще в студенческие годы, проведенные в Пекине, я пытался овладеть искусством «тайцзицюань», но каждый раз бросал это занятие. Очевидно, не хватило «ян». Но вот упражнения с мечами и веерами, которые тут же у стен Запретного города демонстрируют друг другу пекинские пенсионеры – это за пределами возможности европейцев. Здесь требуются не только годы систематической тренировки, но и фантастическое терпение и выдержка, которые так ценил в человеке великий китайский философ Конфуций.

Чуть поодаль, во всю мощь звучит сложная ария из пекинской оперы.. Нет, это не профессионал на пенсии, простой пекинец таким образом приветствует утро замысловатыми руладами, поднимая себе настроение. Порой даже малограмотный крестьянин великолепно разбирается во всех тонкостях оперного искусства. Ведь когда-то это был единственно доступный жанр искусства, который несли в китайскую глубинку бродячие актеры.

Персонажи пекинской опер: император Лю Бай, мудрый полководец Чжугэ Лян, коварный интриган Цао Цао, прославленные женщины-генералы семьи Ян, очаровательная Белая Змейка – фея, ставшая земной женщиной, вечный скандалист царь обезьян Сунь Укун и сотни других популярных в народе персонажей, хорошо знакомы каждому китайцу по поговоркам, легендам, притчам.

Некоторые утверждают, что пекинская опера со всеми ее

героями и злодеями, строго регламентированными амплуа, архаичным языком и таинственным гримом ушла в прошлое и интересуется лишь стариков и искусствоведов. До недавнего времени мне и самому так казалось. Но вот пришлось побывать в китайской глубинке – небольшом уездном городке Баоцзин в провинции Хэ-бей. В переполненном зале шел концерт. Артисты без грима и театральных костюмов пели арии из опер, и каждое исполнение встречалось бурей аплодисментов, в то время как другие, более современные номера – эстрадные песни, танцы, цирковые забавы и фокусы не имели такого успеха.

Да что там глубинка! В Пекинском Дворце национальностей целую неделю шли представления труппы Пекинской оперы из северной китайской провинции Цзилин. И каждый день зал был переполнен. Как сказал мне господин Оу – директор Театра, с таким же восторгом встречали выступления труппы в Токио и Минске, Литве и Будапеште, других городах и странах, где гастролировали артисты.

Но вернемся к стенам «Запретного города». Во всех этих утренних процедурах у его стен, окруженных рвом с зацветающей водой, мне почудилось что-то таинственное, блоковское. Сонная зеленая вода, неподвижные удильщики, глядящие не на поплавок, а в некую «очарованную даль» привезенные на велосипедах вещицы птицы в клетках, с которыми они, кажется, никогда не расстаются.

Оказывается, люди приходят в этот оваянный историей

уголок Пекина, чтобы хоть на миг вырваться из своих переполненных городских квартир, поразмышлять о смысле жизни, вспомнить что-то хорошее, светлое.

Что касается любителей старинной гимнастики, – то, как они сами утверждают, после таких упражнений человек как бы заново рождается, по-иному начинает смотреть на окружающий его мир.

Начинающие работать с рассвета городские крестьянские рынки – тоже неотъемлемая часть пекинского утра.

Десятимиллионный город съедает за год 1,5 миллиона тонн овощей: по полкило в день на каждого жителя. Рис и овощи – основа рациона китайцев. 90% этого товара попадает на китайский стол, проходя через крестьянские рынки.

Пекинский рынок – это не только торговля – это выпестованная веками форма общения. Рынок – это благоухание фруктов и неповторимый аромат специй, буйство красок даров китайской земли. Небольшие велотележки с овощами, фруктами, мясом, дарами рек и морей трансформируются в прилавки, образуя километровые рыночные ряды.

До самого последнего времени их было так много на улицах Пекина, что сам город стал напоминать огромный рынок. Местные власти увеличили строительство супермаркетов, оттеснив крестьянские рынки с оживленных транспортных магистралей в тихие переулки.

Коренные пекинцы по-прежнему предпочитают делать покупки именно на таких крестьянских рынках. Совсем по-

другому, скучно смотрятся те же продукты, закованные в пластик и целлофан, взвешенные на электронных весах с точностью до миллиграмма. Да в магазине и не поторгуешься.

Сегодня Пекин, особенно его центральные районы или города спутники, выросшие в одночасье за кольцевыми дорогам, похожи на деловые центры и жилые кварталы любой столицы мира, и лишь иероглифы на вывесках возвращают нас к китайской действительности.

Я не люблю этот Пекин – холодный и одноликий. Он напоминает мне наши унылые московские новостройки или новый Арбат, замахнувшийся бетонным кулаком на соседние уютные улочки и переулки, и я понимаю пекинцев, которые при всей остроте жилищной проблемы, даже получив возможность переехать в районы новостроек, не торопятся делать это.

А оказавшись волею судьбы в новых микрорайонах, они стараются перенести сюда свой привычный образ жизни. Среди бетонных джунглей, как цветок из асфальта, возникают лоскутки зелени на обочинах дорог, на пустырях. Здесь собираются любители певчих птиц, в основном, пекинские пенсионеры.

Демографическая политика государства строга, хотя, может быть, и неизбежна при населении более 1 миллиарда человек. Одной городской семье полагается иметь лишь одного ребенка. В деревне и в национальных окраинах страны

есть послабления. Внуки – эта основа круговорота природы и жизни, здесь на вес золота. Ну, а тем, кому не повезло с внуками, вкладывают свою нерастраченную любовь в цветы, разведение рыбок, воспитание певчих птиц.

Правда, птицы эти (главным образом поющие и говорящие скворцы) – слабое утешение для любителей природы. Они, в основном, поют с голосов модных эстрадных певцов, чьи песни льются на улицы через раскрытые окна, и поражают не столько шуму дождя и шелесту листьев, как это было первоначально заложено в них природой, сколько реву моторов, скрежету тормозов, раздающихся с ближайшего перекрестка. Конечно, можно было бы собаку или кошку завести, власти недавно разрешили это горожанам, да уж очень велики налоги на крупную живность, и как содержать их в переполненных квартирах многоэтажных домов?

Мне больше по душе одноэтажный Пекин. Тот самый, который не увидишь из окна туристического автобуса. Почувствовать его можно только находясь в толпе – яркой, пестрой, говорящей на всех диалектах китайского языка.

Китайская толпа любопытна, беззаботна и доброжелательна. Она вслух обсудит все ваши достоинства и недостатки, выскажет (тоже вслух) предположения относительно вашего происхождения, и затем наиболее эрудированный ее представитель поприветствует вас на языке, который он считает английским, и поинтересуется, откуда вы родом, сколько вам лет и долго ли проживаете в Пекине. Три классиче-

ских вопроса, с которых начинается диалог с иностранцем любовью китаец.

И стоит вам произнести хотя бы одну фразу по-китайски, как тут же все хором начнут восхищаться вашим произношением и глубокими познаниями в китайском, хотя может быть, и то, и другое, мягко говоря, далеко от совершенства. А кто-нибудь непременно философски заметит: «Да, это большой специалист по Китаю!» – Вам здесь всегда ответят улыбкой на улыбку, помогут найти дорогу, если вы заблудились.

Именно в старинных переулках родился сюжет популярного телесериала пекинского телевидения: «Четыре поколения под одной крышей». Успех этой многочасовой телеэпопеи не только в блестящей игре пекинских актеров, в подсказанных самой жизнью острых ситуациях, связанных с конфликтами аж четырех поколений, в сочном языке пекинских окраин, но и в том, что здесь речь идет о законах жизни китайской семьи.

Семья и сегодня – основа китайского общества. Как некогда весь Китай отгородился от внешнего мира великой китайской стеной, так и китайское классическое жилище «СЫ-ХЭЮАР» являет собой крепость, в которую никто и ничто не может самовольно проникнуть, там хранятся тайны жизни отдельной китайской семьи.

ПЕКИН СТРОИТСЯ

Сегодня Пекин напоминает большую строительную площадку. Готовясь к летним Олимпийским играм 2008 года, которые по решению МОК пройдут в Пекине, власти города сносят не просто старые дома, а целые кварталы, освобождая место для новых дорог, транспортных развязок, современных зданий. И вместе со старыми постройками уходит в прошлое старый пекинский быт.

Требования Международного олимпийского комитета к городу будущей Олимпиады недвусмысленны: это должен быть современный город с развитой инфраструктурой, хорошо организованными транспортными потоками, экологически приспособленный не только к жизни горожан, но и к пребыванию многочисленных гостей.

Впрочем, определенный и не совсем удачный опыт таких масштабных изменений в городе Китай приобрел еще во время «культурной революции», когда, якобы, для облегчения дорожного движения в городе была снесена окружавшая Пекин уникальная городская стена со всеми ее башнями, воротами и окружавшими ее со всех сторон уютными переулками.

Внешне идея казалась экономически выгодной: даешь вместо стены – кольцевую автотрассу! Это было в духе времени: революционно, не требовало больших затрат (ломать –

не строить), к тому же, из камней стены, как полагали руководители проекта, можно построить новые дома. Стену сломали в одночасье. Я наблюдал, как за одну ночь исчез участок стены, примыкавший к Советскому Посольству в Пекине. Из исторических камней, действительно, начали строить одноэтажные бараки, которые очень скоро пошли на слом. Но транспортных проблем города это не решило. Уже через несколько лет пришлось строить и третью, а затем и четвертую кольцевую дорогу. А город в результате лишился уникального сооружения, делавшего его неповторимой столицей одного из крупнейших государств мира. Сейчас об этом с печалью вспоминают китайские архитекторы, историки, горожане.

Хочется верить, что уроки истории не пройдут даром. Во всяком случае, обнадеживает то, что Городское правительство решило приступить к реконструкции участка городской стены, что у ворот Цзянгомынь, причем использовать исторические камни, из которых стена в свое время была построена, обратившись с соответствующим призывом к населению. Однако, судя по всему, «время собирать камни» еще не пришло. Сметнув, что дело идет о реликвиях, люди не торопятся нести старинные кирпичи в муниципалитет.

Я помню, какие страсти кипели лет пять назад вокруг переулка «Золотой рыбки», что в самом конце улицы Ванфуцзин, рядом с рынком Дуньяньшичан. Дело в том, что на углу этого переулка помещался знаменитый Театр Пекинской

оперы.

Именно здесь в начале 50-х я впервые увидел оперу «Скандал в небесном дворце», познакомился с творчеством выдающегося актера пекинской оперы Мэй Ланьфана. Для многих пекинцев это было святое место, ведь опера на протяжении 200 лет была самым притягательным жанром для китайцев. Это была поистине всенародная любовь. И высокий чиновник, и малограмотный крестьянин могли зачарованно следить за развитием событий на сцене и в унисон восклицать: «Хао» (хорошо!), когда актер брал особо трудную ноту или делал ловкий трюк. А уж популярные арии оперных персонажей любители пекинской оперы знали наизусть.

Кстати, когда отмечалось 200-летие пекинской оперы, президент страны Цзян Цзэмин отнес себя к большим знатокам и любителям этого искусства.

И, тем не менее, Театр решили снести, пообещав обществу выделить новое помещение. Театр пытались отстоять: видные деятели культуры направили городским властям прошение не сносить старое здание. Но ничего не помогло.

Сейчас на этом месте возвышается сверкающий огнями многоэтажный рынок. Говорят, что это самый большой супермаркет в Азии. Может быть. Но театра уже не вернуть. Труппа играет свои спектакли в одном из пекинских небоскребов, но туда мало кто ходит. Разве что иностранцы в поисках экзотики забредут сюда из соседнего бара.

Подобные проблемы всерьез волнуют китайскую общественность. Вопрос, каким быть Пекину в будущем, может ли этот город, бывший на протяжении многих веков столицей 10 императорских династий, претендовать на роль мирового центра культуры, каковыми являются Рим или Париж, все чаще возникает на страницах китайских газет и журналов. Вопрос этот не риторический. Прагматичные китайцы подсчитали, какие выгоды несут Пекину и стране в целом памятники культуры и старины.

Так, внесенная ЮНЕСКО в перечень мировых памятников культуры «Великая Китайская стена» может рассчитывать на субсидии ЮНЕСКО в размере 100 тысяч долларов. И таких памятников старины, куда комиссия ЮНЕСКО включила парк Ихэюань и Храм Неба, уже двадцать один. Так что борьба за сохранение памятников старины имеет вполне земную основу.

Многие полагают, что первый раунд этой борьбы за сохранение звания мирового центра культуры был проигран Пекином в 1949 году, когда было провозглашено образование Китайской Народной Республики. Тогда видный китайский архитектор Лян Цичэнь, кстати, сын известного реформатора цинской династии (XVIII—XX вв.). Лян Цичао, предложил новым властям Китая проект реконструкции китайской столицы. Лян – один из корифеев современной китайской архитектуры. Его бронзовый бюст стоит в вестибюле архитектурного факультета пекинского института «Цинхуа» в знак

признания его заслуг. Китайский архитектор, казалось, унаследовал от своего отца революционный образ мыслей. Согласно его проекту, столица со всеми необходимыми административными сооружениями выносилась за границы старого Пекина. Таким образом, сохранялась уникальная инфраструктура старого города, а новый город-спутник получал достаточно простора для развития. Лян предостерегал, что если не сделать этого, полуторамиллионный в то время Пекин, размещенный всего на площади в 62 квадратных километра, очень скоро столкнется с серьезными трудностями: транспортными, экологическими и пр.

Предложения архитектора-новатора не были тогда приняты. Как пишут некоторые авторы, Китай предпочел советский опыт градостроительства – то есть стал совершенствовать уже сложившуюся городскую инфраструктуру. Ссылки на советский опыт в данном случае вряд ли корректны. Построенные по нашим проектам в 50-е годы несколько зданий общественного назначения, вроде здания Китайского Международного Радио или Советская промышленная выставка, никак не повлияли на архитектурный облик Пекина, органично вписавшись в него.

Второй удар по архитектуре старого Пекина был нанесен во время «культурной революции» (1966—1976 гг.). Многие памятники старины пострадали, а новые здания общественного назначения, строившиеся без единого плана и архитектурного замысла, лишь изуродовали лицо города.

К сожалению, начавшийся затем период реформ мало что изменил к лучшему. Возникли противоречия между традициями и бизнесом. И в этой борьбе верх одерживает бизнес. В историческом центре города стали возникать современные здания из стекла и бетона разных стилей, архитектурных школ, разной высоты... Главная магистраль китайской столицы – улица Чанъанцзе «Улица вечного спокойствия», перерезающая город с востока на запад, напоминает сегодня витрину парфюмерного магазина, где выставлены разнокалиберные образцы продукции со всего света.

Леонид Васильевич Вавакин, известный советский архитектор, проектировавший в свое время центр столицы Монголии Улан-Батора, буквально схватился за сердце, когда впервые проехал по главной улице китайской столицы после посещения архитектурных шедевров китайского зодчества – дворца Гугун и Храма Неба. Настолько разителен был контраст.

А между тем, к центру подбираются новые отряды современных монстров в виде целых кварталов банков, бизнес-центров, супермаркетов, престижных домов, где стоимость одного квадратного метра площади уже перешагнула московские рубежи. Для Китая – это непозволительная роскошь. Даже для очень крупного чиновника, директора государственного предприятия, заслуженного университетского профессора. Так что новые роскошные дома стоят полупустыми, ожидая, по-видимому, «новых китайцев».

Сносят кварталы старого Пекина, а жители выезжают в относительно недорогие дома уже за пределами четвертой кольцевой автодороги. Исчезают с карты Пекина целые районы. Впрочем, следует отметить, что в этом процессе капитальной реконструкции Пекина есть и удачные находки, которые пришлись по душе горожанам. Я имею, ввиду прежде, всего Ванфуцзин – главную торговую улицу Пекина. Эта улица – ровесница древнего города, сегодня полностью изменила свой облик. Она стала пешеходной, вроде Старого Арбата. Сюда даже на велосипедах въезд воспрещен. Появились вазоны с цветами, урны для мусора, удобные скамейки, телефоны-автоматы. Сюда, как на экскурсию, приходят пекинцы. А совсем недавно в конце улицы очистили от соседних построек великолепный католический собор, построенный в 1905 году. Вновь возникшая соборная площадь удивительно гармонично вписалась в новый Ванфуцзин.

А старый Ванфуцзин сохранился в прилегающих переулках: здесь и известные ресторанчики, где готовят знаменитую пекинскую утку, и бесконечные ряды с пекинской снедью.

И как памятник старому Ванфуцзину остался здесь Старинный универмаг – когда-то самый крупный в Китае, с бюстом перед входом образцового продавца Чжана. Это, наверное, единственный в Китае, а может быть и в мире, памятник скромному работнику прилавка. Ведь никаких подвигов Чжан не совершил. Просто честно работал, одаривая ма-

лышей конфетами, купленными на свою скромную зарплату. Да еще в память о прошлых временах поставлены вдоль улицы бронзовые в человеческий рост фигуры музыкантов, рикши, парикмахеров, к которым не иссякает очередь желающих сфотографироваться.

Ванфуцзин – один из ответов на вопрос, «каким быть новому Пекину», как совместить новые инфраструктуры города с тем, что так дорого его жителям. К сожалению, таких примеров не так уж много. Попытка перестроить по тем же принципам еще одно историческое место – торговый центр в районе Сидань, оказалась менее удачной. Когда-то здесь проходила городская стена. Потом, во время «культурной революции» образовалась «стена демократии», где хунвейбины вывешивали свои газеты «дацзыбао». Затем возник пестрый, шумный и очень популярный в городе народный рынок. Сейчас на этом месте безликая, пустынная и унылая площадь с непонятными стеклянными киосками в центре и загнанный под землю рынок.

Технология разрушения старых кварталов отработана до мелочей. И здесь не требуется ни сложной техники, ни дополнительной рабочей силы. Обреченные дома на корню, как строительный материал, продают крестьянам пекинских уездов. Они приезжают сюда на своих повозках, запряженных маленькими лошадками, осликами, мулами, деловито разбирают дома, лавки, магазинчики, предназначенные к сносу. Каждый раз по дороге на Пекинское Телевидение я

наблюдаю такую картину. Утром лавка еще торговала, а вечером на ее месте только аккуратно подметенный квадратик земли. А еще через несколько дней приезжает бригада дорожников из другой деревни. Они разбивают свои палатки прямо на улице: здесь живут, здесь и работают. Муниципальные власти подвозят им необходимые материалы – песок, щебень, асфальт, тротуарную плитку. Не успеешь оглянуться – вместо разбитой дороги – отличная магистраль, по которой сюда нагрянут уже профессионалы-строители.

Мне приходилось беседовать со многими новоселами. Переезд в новые кварталы их не радует. При отсутствии развитого городского транспорта, когда личный автомобиль – непозволительная роскошь для подавляющего большинства населения, новоселы оказываются отрезанными и от места работы, и от всех привычных удобств.

Не хотят ехать на окраины и госучреждения. Переехавшие недавно в новые помещения Министерство иностранных дел Китая, Министерство культуры и другие ведомства выбирают себе места поближе к центру города.

Я вспоминаю Москву 60-х годов. Новостройки: Черемушки, Чертаново, Медведково, Новый Арбат. Кто бы мог предположить, что безликие, лишённые воспоминаний районы массовой застройки смогут так изменить не только быт, но и психологию горожанина. Не берет ли нынешний всплеск преступности в Москве начало оттуда, из блочно-панельного детства? Не грозит ли нечто подобное Китаю? Не исчезнет

ли вместе с разрушаемыми переулками и сыхэюарами атмосфера терпимости и доброжелательности.

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК

За многовековую историю Китая здесь родилось немало праздников как официальных, так и народных.

Что касается первых, то они чаще всего уходили вместе с режимами, которые их провозглашали, а вот народные – такие, к примеру, как «Чунцзе» – праздник весны, праздник «Середины осени», праздник «Цинмин» – поминовение предков и другие, связанные с традициями китайской нации, навсегда остались с народом.

День образования Китайской Народной Республики 1 октября, День 1 мая, международный Женский День и некоторые другие, новые праздники, возникшие после образования КНР, сегодня активно отмечают в Китае.

Новогодний праздник ночью 31 декабря здесь стали отмечать после специального декрета народной власти 23 декабря 1949 года. Праздник пришелся по душе жителям страны. И с каждым годом отмечается со все большим размахом. Новый, 2000 год китайское Телевидение, к примеру, отметило поистине космическим шоу, которое длилось целые сутки. Были посланы телекорреспонденты во многие страны мира, которые по линиям космической связи передавали репортажи о встрече Нового года в разных странах...

Новогодние елки и Санта Клаус, подарки и обычай посылать поздравительные открытки, новогодние балы и прочие

атрибуты этого чужеземного праздника настолько укоренились в Китае, что новое поколение не представляет себе начало нового года без ярко украшенной елки и новогодних подарков.

Впрочем, можно проследить и такое любопытное явление. Новый год по лунному календарю имеет все больше последователей по всему миру.

Символика этого праздника с его традиционными животными лунного цикла, гороскопами, гаданиями и прочей экзотикой с удовольствием берется на вооружение в Европе и у нас в России. И, не смотря на то, что китайский Новый год наступает обычно в феврале, в Москве уже в декабре появляются в праздничном оформлении города Зайцы, Собаки, Быки и Обезьяны, в зависимости от того, какое из 12 животных лунного календаря отмечает свой праздник.

Изобретаются всевозможные ритуалы и символы, якобы связанные с обычаями этого праздника, чаще всего не имеющие ничего общего с подлинными традициями «Чунцзе».

Что же касается Пекина, то европейский Новый год начинают отмечать здесь задолго до 1 января, с началом католического рождества. Продаются елочные украшения и, конечно, сами елки, главным образом, искусственные. Гостиницы и крупные магазины выставляют у своих дверей новогодние елки, швейцары облачаются в наряды то ли Санта Клауса, то ли деда Мороза, которые мирно соседствуют с их коллегами по долголетию – «шоусинами» – китайскими богами.

Газеты пестрят объявлениями самых модных ресторанов, которые предлагают встретить Новый год за их празднично накрытыми столами. И нужно отметить, что залы ресторанов в новогоднюю ночь не пустуют. Китайцы относят Новый год не к семейным праздникам, а скорее к праздникам публичным и с удовольствием отмечают его в каком-нибудь экзотическом ресторане.

В последние годы крупные гостиницы устраивают «новогодние елки» для детей с подарками, танцами вокруг ёлки, угощениями...

Хочу оговориться, что до села такие праздники еще не добрались, речь, прежде всего, идет о крупных китайских городах. Именно здесь начал прививаться этот обычай. Сначала в среде иностранцев, оказавшихся в Китае, и их друзей, а затем уже и среди широких кругов интеллигенции, молодежи.

Немалую роль в пропаганде этого праздника играют средства массовой информации, рассказывающие о том, как встречают Новый год в разных странах, какие существуют ритуалы, что едят и что пьют на этом празднике.

Уже много лет китайское телевидение готовит многочасовые новогодние программы, что-то вроде наших новогодних «Голубых огоньков», которые пользуются большим успехом.

Но самый настоящий ажиотаж – в новогодние дни с поздравительными открытками и календарями. Вдоль улиц Пекина, как белье на просушку, развешивают свой товар тор-

говцы календарями на очередной год. Календари самые разные – от небольших скромных листов до полиграфических шедевров, отпечатанных в Гонконге.

Календари, как и новогодние поздравительные открытки – новое массовое увлечение китайцев. А как все новое и необычное, они быстро завоевали сердца населения. Новогодний календарь – хороший подарок другу, украшение квартиры или офиса, учебной аудитории. Благо, что тематика рассчитана на все случаи жизни, на все вкусы и возрасты...

Тут и портреты руководителей страны – покойных и ныне здравствующих, репродукции известных картин из музеев мира, достопримечательности Китая; кошки, собаки, птицы, и, конечно же, традиционные китайские символы – пожелания счастья и долголетия – персики, олени, драконы, летучие мыши...

Я как-то решил подсчитать, сколько видов новогодних календарей можно увидеть в предновогодние дни на улицах Пекина. Досчитал до нескольких сот и сбился со счета. Позже прочитал в газетах, что более двух тысяч. Но эта цифра не окончательная. Ведь каждое уважающее себя учреждение старается издать к Новому году свой собственный календарь, как это сделало Пекинское Телевидение, разместившее на страницах своего календаря фотографии популярных дикторов. Впрочем, каждый желающий может заказать себе и персональный календарь в одном экземпляре с фотогра-

фиями из семейного альбома.

Тираж календарной продукции растет из года в год. Последнее время только на рынках китайской столицы продается не менее 30 миллионов экземпляров календарей, по три – на каждого жителя Пекина, включая младенцев. Стоят календари порой дороговато, иные десятки долларов. Но люди покупают. Иметь в доме хороший, дорогой календарь сегодня в Китае престижно...

Календарями торгуют весь январь – вплоть до наступления еще одного Нового Года, уже по лунному календарю, праздника весны «Чунцзе» – самого главного праздника земли китайской.

Слово «чунцзе» буквально означает, «пробуждение от зимней спячки насекомых». Это одна из фаз крестьянского календаря. А это значит, что наступает период весны – самого главного сезона в жизни человека, как полагают в Китае.

Китай всегда был страной сельскохозяйственной, а весна – это, действительно, новая страница жизни, новый урожай, новые надежды.

И это наложило определенный отпечаток на все, связанное с этим праздником. Сейчас этот праздник общенародный, самый продолжительный в стране, официально его празднуют несколько дней. Но для многих он продолжается целую неделю, а то и две – вплоть до очередного праздника – «Фонарей».

По традиции, в праздник «Чунцзе» все члены семьи долж-

ны собраться за столом. В прежнее время сделать это было нетрудно – китайцы редко покидали насиженные места. Современная жизнь разбросала членов семей по всей стране, и именно в праздник Весны они стремятся встретиться: навещать родителей, увидаться с братьями, сестрами, познакомиться с новыми членами семей.

Такое понятие, как ежегодный отпуск, в Китае весьма условное. В трудовом законодательстве эта норма четко не прописана. И вот к празднику Весны подтягивают свои отпуска люди, живущие вдали от родительских очагов. И не удивительно, что в эти дни вся страна приходит в движение. Студенты едут в деревни на каникулы, из деревень целыми семьям отправляются в города к преуспевшим родственникам. Очереди за билетами на все виды транспорта выстраиваются задолго до начала праздника... В стране вводят даже дополнительные рейсы самолетов и поездов.

Семья торжественно готовится к празднику. Убирают дом, ворота в деревне или двери городской квартиры украшают лубочными картинками или вырезками из бумаги с пожеланиями счастья, долголетия, богатства. В том числе и картинками с изображением «духов дверей» – «Мэньшэнь», которые, по поверью, охраняют жилище от беды.

«Мэньшеней» изображали обычно в виде двух братьев-богатырей со свирепым выражением лиц. Говорят, эта традиция идет из давней истории, связанной с императором Тай Цзуном, правящим в период династии Тан (VII—X вв.).

Его по ночам одолевали злые духи, не давая заснуть. И однажды его советник Юй Цигун сказал властелину, что простоит всю ночь перед входом в императорские покои вместе с другим генералом, чтобы не пустить туда духов. Император с радостью согласился. В эту ночь он спал спокойно – злые духи перестали тревожить его сон. Позже живых генералов заменили нарисованными. С тех пор и стоят, точнее, висят у дверей даже небогатых городских и сельских домов, вооруженные луками и стрелами, с огромными мечами в руках борцы со злыми духами и привидениями...

А чтобы окончательно оградить дом от зла, приклеивают на двери и окна полоски красной бумаги с соответствующими надписями. К примеру, одна может означать: «Да умножатся слава и богатство», другая – «Да придет богатство, высокий чин и большое жалование» и тому подобные благожелательные заклинания.

Считалось, что в новогоднюю ночь бог домашнего очага Цзао Ван оценит предновогодние хлопоты семьи и принесет в новом году много хорошего.

Лубочная картинка, изображающая Цзао Вана, всегда помещалась на видном месте в доме. По сторонам изображения домашнего бога прикреплялись парные надписи. Одна гласила: «Поднимешься на небо – докладывай о хороших делах». Другая: «Когда вернешься – даруй счастье». Губы Цзао Вана на лубке смазывались медом, дабы он докладывал Небесному Владыке – «Нефритовому императору» толь-

ко «сладкие» слова...

По этой же причине в новогоднюю ночь не следовало произносить «плохие» слова, такие, как скажем «смерть», «гроб», «болезнь»... Это могло бы оскорбить слух высокопоставленного покровителя семейного очага и привести к беде. И, вообще, в новогоднюю ночь полагалось очень внимательно следить за своей речью. Языковая структура китайского языка ограничена, и в нем очень много схожих по звучанию слов, к примеру, слово гроб «гуань» звучит так же, как и слово чин, «должность»...

Затем бумажное изображение Цзао Вана выносили во двор и там под грохот хлопушек торжественно предавали огню, открывая ему путь в небо.

А в первый день Нового года в доме вывешивали новое изображение Цзао Вана, который хранил мир и спокойствие семьи вплоть до следующего года...

До нового года человек должен был расплатиться по всем долгам.

Когда-то в старом Китае именно в это время часто случались трагедии с людьми, которые не смогли во время отдать долги. Чтобы не «потерять лицо» должники зачастую добровольно уходили из жизни. Нет человека – нет и долгов.

Я обратил внимание на то, что и в наше время китайцы в отношении со своими деловыми партнерами, придерживаясь этой традиции, приводят свои дела в порядок именно накануне «Чунцзе», хотя строго говоря, финансовый год в Ки-

тае исчисляется не по лунному календарю, а как и в большинстве стран мира, по календарю григорианскому.

Особое значение имеет новогоднее застолье. Главное *блюдо* здесь – пельмени, которые лепят всей семьей. В некоторые из них прячут «сюрпризы» в виде монеток или конфет. Того, кому достанется «сюрприз», ждет в новом году удача. А, вообще, новогодний стол должен быть обильным. По старой традиции крестьянин мог недоедать целый год, но в праздник «Чунцзе» стол его должен был быть не хуже, чем у помещика.

Любопытно, что изменения, которые происходят в Китае, накладывая отпечаток на ритуал встречи праздника. Оставаясь по сути дела праздником семейным, он как бы наполняется новым содержанием. Сейчас не столько культ предков собирает под одну крышу представителей нескольких поколений, сколько желания найти в семье эмоциональную поддержку, укрыться за стенами родительского дома от стрессов, которым подвержен человек в стремительно развивающемся индустриальном обществе.

И еще одна любопытная деталь. Население больших городов зачастую встречает праздник «Чунцзе» вне дома: в ресторанах, небольших харчевнях, закусочных. При этом традиции не нарушаются: встречают праздник всей семьей – с детьми, приехавшими из деревни родственниками, престарелыми родителями. Это свидетельство и роста благосостояния средней китайской семьи, и популярности, и дешевиз-

ны китайского общепита.

До самого последнего времени новогоднюю ночь встречали громом петард, ракет, хлопушек, яркими огнями фейерверков. Это по традиции должно было отпугивать от дома «злых духов». В древности для этих целей применялись стволы бамбука. Брошенные в огонь, они издавали звуки, напоминающие стрельбу из орудий. Потом на смену бамбуку пришел порох. Поначалу его применяли именно для устройства праздничных фейерверков и изготовления хлопушек. Попытки использовать порох в военных целях в Китае успеха не имели. Европейцы использовали китайское изобретение куда удачнее.

Но в организации праздничных фейерверков китайцы не знали себе равных. Я помню, что несколько лет тому назад не каждый иностранец решался выезжать в город в новогоднюю ночь. Пекин ближе к полуночи напоминал передовую линию фронта, где в каждом переулке, в каждом дворе буквально у ваших ног взрывались петарды, порой с солидным порохом зарядом.

Сейчас из-за частых пожаров эту забаву в крупных городах запретили, и она осталась только в деревнях. Но тоскующие по праздничным развлечениям горожане находят выход из создавшейся ситуации: крутят магнитофонные пленки с записью взрывов петард или устилают пол небольшими воздушными шариками, которые с удовольствием топчут ногами, имитируя взрывы хлопушек. Конечно, эффект не тот, но

главное – сохраняется традиция.

Ну а люди состоятельные, а также падкие до экзотики иностранцы могут выехать за пределы Пекина в пригородные зоны отдыха, где к празднику Весны пригородные отели сооружают специальные полигоны для организации фейерверков.

В первые дни нового года принято наносить визиты родственникам, друзьям. Дочери, выданные замуж, посещают своих родителей. Дети получают подарки, сегодня это, в основном, деньги...

Каждый праздник «Чунцзе» при всех общих чертах, связанных с вековыми традициями, имеет свое лицо. И это, прежде всего, зависит от символа года, под которым этот праздник проходит.

В восточном календаре существует шестидесятилетний календарный цикл, который в свою очередь делится на пять частей по количеству циклических знаков, каждому из которых соответствует то или иное животное. Таких знаков двенадцать. Расположены они в следующем порядке: Мышь, Бык, Тигр, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Баран, Обезьяна, Петух, Собака, Свинья.

Считается, что этот 12-летний календарь составил почти 3 тысячи лет до нашей эры мифический китайский император Хуанди.

Существует немало легенд, рассказывающих, почему именно в таком порядке выстроились животные.

Согласно одной из них – буддистской, Будда, прежде чем отправиться на небеса, пригласил к себе на прием всех животных земли. Самыми первыми явились двенадцать представителей, раньше всех юркая мышь, последней – неторопливая свинья. Им и выпала честь стать символами года.

Даосская легенда более красочна и занимательна. Она заполнена массой деталей и подробностей, объясняющих, почему именно в таком порядке выстроились звери.

Небесный владыка призвал к себе самых разных животных, чтобы выбрать из них, кто мог бы достойно представить циклические знаки. В число отобранных вошли: уважаемый за трудолюбие бык, и гроза всех зверей тигр, умная обезьяна и красавец петух (по легенде он имел в то время рога и был скорее зверем, чем птицей), вобравший в себя черты многих животных дракон и другие не менее уважаемые представители царства зверей.

И, естественно, каждый претендовал на первое место в этом почетном списке. Претенденты перессорились между собой и решили посоревноваться в силе и ловкости. В соревнованиях приняла участие и змея. В то время у змеи было 12 ног, и она могла быстро бегать.

Однако в ходе соревнований животные не смогли определить победителя. В дело пошли интриги: лесть, подкупы, угрозы... Петух подарил свои рога дракону, собака отгрызла хвост у зайца и тому подобное. Свинья, которой Небесный владыка поручил составлять почетный список, конечно же,

поставила себя на первое место, что вызвало новые ссоры.

Перессорившихся кандидатов Небесный Владыка сам построил в нужном порядке, определив свинье последнее место.

Этот порядок существует до сих пор. И дело не только в традиции.

Циклические знаки, точнее их сочетание, служили важным элементом в процессе бракосочетания. Ряд животных – реальных и мифических олицетворял женское начало (мышь, вол, заяц, обезьяна, собака, свинья). Бесстрашный тигр, покоритель стихий дракон, стремительный конь, друзья дома петух, баран и змея – олицетворение светлого «мужского» начала.

Считалось, что брак будет счастливым и удачным, если будущие жених и невеста родились соответственно в год тигра и дракона, вола и собаки и т. п. Но если выяснялось, что девушка родилась, скажем, в год мыши, а юноша в год змеи – то свадьба, как правило, расстраивалась.

Сейчас обычай этот носит скорее характер игры, и тем не менее каждая молодая пара, прежде чем вступать в брак на всякий случай поинтересуется, в какой циклический год кто родился. И все они прекрасно разбираются, что сочетания: овца – вол, свинья – дракон, собака – змея, мышь – лошадь, обезьяна – заяц, петух – тигр – благоприятны для брачного союза. И в той же мере опасны сочетания: мышь – овца, лошадь – вол, обезьяна – свинья, заяц – дракон, петух – собака,

тигр – змея.

Цикл моего пребывания в Китае перевалил за 12 лет. Так что мне удалось увидеть все 12 праздников Весны. Некоторые из них особенно запомнились...

Например, год 1992. Год Обезьяны. Ей в этот день воздавалось должное. Все крупные храмы Пекина, а массовые гулянья во время праздника «Чунцзе» проходят, главным образом, в храмах, напоминали зоопарки: столько здесь собралось ребятишек, наряженных в костюмы легендарного царя обезьян Сунь Укуна.

Это были дети, родившиеся ровно 12 лет назад, тоже в год обезьяны. Это был их праздник.

Но не только обезьяны царствовали на праздничных представлениях. Ни один праздник «Чунцзе», какое бы животное его ни представляло, не обходится без танцев львов.

Облачившись в соответствующий костюм, танец исполняют два актера. Львы весело резвятся на площадке, становятся на задние лапы, затевают возню между собой, и на какое-то время забываешь, что это игра, настолько естественны и легки их движения. Начинает казаться, что львы настоящие, если не из пустыни, так уж точно из цирка. Танец этот имеет прямое отношение к празднику Весны, так как символизирует победу светлых сил, молодости, задора. Во всяком случае, так мне объяснил один из исполнителей этого танца в пекинском Храме Земли, молодой человек по имени Чжоу. К моему удивлению, он оказался не профессионалом,

а любителем. Чжоу – крестьянин из пригородного пекинского уезда Цзиньсян. У них в деревне многие увлекаются народными танцами.

Но вот под резкий звук барабанов, гонгов и китайских флейт на дорожках парка «Храма Земли» появляется необычная процессия. Она как бы плывет над праздничной толпой. И это не удивительно – ведь все участники на ходулях. Они совершают сложные перестроения. Затем следуют ярко загримированные шуты, приглашающие публику принять участие в представлении. За ними вооруженные герои-воины, бородатые генералы, солдаты с яркими флагами. И в конце колонны – так называемые «ядигу» – гимнасты, которые совершают на ходулях сальто, прыжки и другие сногсшибательные трюки. Я был, к примеру, свидетелем того, как один такой ловкач, не слезая с ходулей, вспрыгнул на плечи своего соседа, и они вместе сделали кульбит, оставаясь, естественно, на ходулях.

Толпа с восторгом воспринимает эти трюки. Но самое любопытное заключалось в том, что все эти чудеса совершали не профессиональные актера, а тоже любители, приехавшие в Пекин на праздник из северной провинции Хэйлунцзян.

Танец на ходулях куда древнее танца львов. Говорят, что возник этот обычай, а затем и танец в деревнях северного Китая, где крестьяне использовали ходули, чтобы, не замочив праздничную обувь, через залитые водой рисовые поля ходить друг к другу в гости.

С годами этот вид народного искусства совершенствовался, заимствуя отдельные сценические элементы у других видов циркового, драматического, хореографического, оперного искусства... Происходили изменения и внутри самого жанра. Так в XIII веке ходули достигали такой высоты, что удобнее всего было любоваться представлением с «галерки», усевшись верхом на коньке крыши.

Сегодня есть два амплуа «ходульного» искусства – «вэнь», танцы, включающие элементы циркового искусства, пекинской оперы и народных танцев. Здесь используются ходули высотой до полутора метров. Персонажами этого амплуа часто выступают герои пекинской оперы: царь обезьян Сунь Укун, шут с белым пятном вокруг рта, женщины-воины, старик-рыбак и другие.

На более коротких, метровых, ходулях выступают представители амплуа «у» – боевого варианта этой народной забавы. Они предстают перед зрителями в виде генералов с войском мастеров народных единоборств. В руках у них мечи, копья, секиры, плетки... Танец на ходулях – гвоздь программы храмовых праздников. Исполнители не только в совершенстве владеют этим искусством, но и сами мастерят костюмы, гримируются. Среди аксессуаров этого танца – изображения рыб, черепах, жемчужин – атрибутов счастья, богатства и процветания.

Одновременно на наскоро сколоченной сцене выступают представители разговорного жанра «сяншэн». Это особый

вид китайского конференса, где двое актеров, как правило профессионалы, ведут между собой шуточный диалог, пересыпанный острыми словцами, шутками, намеками, игрой слов. Толпа отвечает на каждую репризу взрывом хохота.

Обычно иностранцу, даже владеющему китайским языком, понять этот специфический жанр очень трудно. Вроде и слова все знакомые, и ситуация понятна, а вот почему это так веселит окружающих, объяснить порой невозможно. Китайский сленг столь же загадочен, как и новояз «новых русских».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.